

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

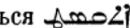
Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

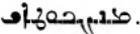
Дополненія и поправки къ статьямъ „Несторіанскія надписи изъ Семирѣчья“¹⁾.

Императорская Археологическая коммисія недавно получила изъ Вѣрнаго около 180 новыхъ фотографическихъ снимковъ съ надписей. Между ними есть и такія надписи, которыя мною были изданы по весьма плохимъ копіямъ.

Надпись № I.

Въ очень плохой, сдѣланной отъ руки, копіи этой надписи, послѣ і въ датѣ стовтъ весьма странный знакъ, который я по вѣскимъ причинамъ принималъ за лигатуру . Поэтому я всю дату читалъ т. е. 1169 (= 858). Нынѣ я получилъ хорошій фотографическій снимокъ этой самой надписи и въ немъ вторая буква даты имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ въ упомянутой, сдѣланной отъ руки, копіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта буква есть 2. Такимъ образомъ дата должна читаться т. е. 1569 (= 1258). Выводы, которые я сдѣлалъ изъ невѣрно прочитанной даты, въ вѣрности которой я самъ сомнѣвался (см. стр. 109) поэтому, разумѣется, слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

Я долженъ вообще замѣтить, что въ надписяхъ относящихся къ XIII вѣку, въ большей части датъ, — и почти только въ датахъ — *тавы* имѣютъ древнюю форму *эстремеловаго* письма, тогда какъ остальные *тавы* большею частью пишутся , а въ срединѣ часто .

Изъ фотографическаго снимка еще видно, что собственное имя въ 5-ой строкѣ этой надписи слѣдуетъ читать .

1) См. выше, стр. 84 и сл. и стр. 217 и сл.

Надпись № IV.

Неудобочитаемое слово въ этой надписи, строка 3, (стран. 90) кажется слѣдуетъ принять за **سحلف** (вм. **سلف**): буква **س** въ началѣ совершенно ясна. Слѣдующее за тѣмъ слово можетъ быть читано **هولت** (*ионт, лошадь*). Такимъ образомъ эта надпись будетъ относиться къ 1605 (= 1294) году, который соотвѣтствуетъ году *лошади*, 7-ому году 12 лѣтняго цикла.

Въ этой-же надписи, строку 6 слѣдуетъ читать **سحلف**. Смыслъ этимъ неизмѣняется.

Надпись № VII.

Строк. 7 (стран. 94), читай **سحلف** вм. **سلف**

Надпись № VIII.

Въ строкѣ 3 (стран. 94) этой надписи встрѣчается темное слово **اتلجا** (*Atelija*), которое я перевелъ черезъ «*затмѣніе*», основываясь на показаніи туземныхъ сирійскихъ лексикографовъ IX и X в. Бар-Алія и Бар-Бахлюля; но изъ новыхъ, мнѣ теперь доступныхъ надписей видно, что это слово значить «*драконъ*». Я намѣренъ писать особенную статью о значеніи этого слова.

Въ строкѣ 7 той-же надписи VIII читай **سحلف** вм. **سلف** и въ строкѣ 11 **سحلف** вм. **سلف**.

Надпись № XI (стр. 97).

Послѣднее слово четвертой строки можетъ быть читано **سحلف** = *Пичин*. Неудобочитаемое въ копіи слово въ 5-ой строкѣ въ снимкѣ довольно ясно читается **سحلف** или **سحلف**, т. е. *Пард* или *Парз*, но я не знаю, что это слово здѣсь значить. Неясное въ копіи второе слово 7-ой строки въ снимкѣ явственно читается **سحلف**. Строки 7 и 8 поэтому слѣдуетъ перевести: *Юханана, прозваннаго Акташ* и пр. Два послѣднихъ слова строки 9 въ снимкѣ написаны *слитно*.

Надпись № XIV (стр. 100).

Собственное имя въ 5-ой строкѣ слѣдуетъ читать точно такъ-же какъ въ надписи № I, строк. 4 (стран. 88): **سحلف**, т. е. *Мангуташ* вм. Мангутенеш. Мангуташ могло бы значить «вѣчный камень». Данную тамъ (стр. 89) этимологию имени *Мангутенеш* по этому нужно считать преждевременной. Сообщенная выше, стр. 220, конъектура проф. Нѣльдеке относительно чтенія невѣрно списаннаго въ копіи послѣдняго слова этой (XIV) надписи вполне подтверждается фотографическимъ снимкомъ. Между сним-

ками новополученными находятся двѣ надписи того-же 1649 (1338) и слѣдующаго 1650 (1339) года, въ которыхъ также читается *موت من حمى* «онъ умеръ отъ чумы». Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнiю что эта чума 1338 и 1339-аго года въ Семирѣчьѣ тождественна съ свирѣпствовавшей въ 1347—50 годахъ въ западной Азiи и Европѣ эпидемiей, извѣстной подъ именемъ «черной смерти», о которой говорятъ, что она началась въ Китаѣ и постепенно распространялась на западъ. Я долженъ еще замѣтить, что между лежащими предо мной надписями изъ Семирѣчья число надписей 1650 (1339)-аго года относительно очень велико (около 26). Чума такимъ образомъ тамъ по видимому появилась въ 1338 году. На надписяхъ этого года отмѣчали фактъ смерти именно отъ чумы вслѣдствiе новизны явленiя. Въ медицинскомъ отношенiи интересно, что чумѣ, свирѣпствовавшей въ 1338—9 годахъ въ Семирѣчьѣ нужно было отъ 8—9 лѣтъ, чтобы перебраться въ западную Азiю и Европу¹⁾.

Изъ вышеупомянутыхъ полученныхъ Археологическою Коммиссiей новыхъ надписей я разобралъ 167, но я еще не въ состоянiи издать ихъ потому что въ многочисленныхъ встрѣчающихся въ этихъ надписяхъ *тюркскихъ* собственныхъ именахъ остались пока еще неразобранными нѣкоторыя буквы вслѣдствiе плохаго состоянiя фотографическихъ снимковъ. Между тѣмъ эти тюркскiя собственныя имена получаютъ большое значенiе для филологiи и исторiи только тогда, когда они будутъ вполне вѣрно и точно разобраны. Но я жду около 100 новыхъ графитныхъ оттисковъ этихъ надписей и надѣюсь, что при помощи ихъ удастся преодолѣть всѣ затрудненiя.

Между упомянутыми 167 надписями есть три на *тюркскомъ* языкѣ, коихъ даты я могъ разобрать. Кромѣ того я нашелъ еще *шесть* надписей, написанныхъ цѣликомъ или отчасти на *тюркскомъ* языкѣ, даты которыхъ я не могъ пока разобрать. Всѣ *девять* тюркскихъ надписей я передалъ для разбора академику В. В. Радлову. Кромѣ этихъ 167+6=173 надписей у меня находятся еще 8 фотографическихъ снимковъ, которые такъ плохи, что я въ нихъ даже не могъ разобрать даты.

Число вновь полученныхъ надписей такимъ образомъ доходитъ до 167+6+8=181. Къ нимъ нужно еще присоединить 28 уже изданныхъ мною, такъ что всего мы имѣемъ теперь весьма внушительное число — двѣсти девять — надписей изъ такихъ мѣстностей, гдѣ нельзя было ожидать подобнаго открытiя, надписей, принадлежащихъ народу, отъ котораго до сихъ поръ ни одной буквы писанной не было извѣстно.

1) См. Haeser, Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten, bd. III, p. 112 ff. 3 Ausg. Jena 1882.

Въ Импер. Археол. Коммисіи въ настоящее время находится 38 подлинныхъ камней съ этими надписями: это — единственные въ своемъ родѣ памятники, которымъ подобными не обладаетъ ни одинъ музей въ Европѣ.

Изъ всего числа надписей лишь 24 не имѣютъ датъ; всѣ другія датированы. Онѣ относятся къ періоду времени отъ 1226—1373. Ко времени отъ 1342—1373 относится только одна надпись 1347 года; слѣдующіе за этимъ годомъ 26 лѣтъ не представлены пока ни одной надписью. Христіанско-несторіанское населеніе тѣхъ мѣстностей, какъ кажется, весьма сильно пострадало въ два чумныхъ года, 1338 и 1339 — къ этимъ двумъ годамъ относятся не менѣе 37 надписей — и за тѣмъ оно по всей вѣроятности было совершенно поглощено успѣхами мусульманства въ концѣ XIV вѣка. Нѣкоторыя надписи, быть можетъ, относятся къ болѣе древнему времени именно къ годамъ 842 и 1095, но даты этихъ надписей, выраженные буквами, въ лежащихъ предо мной фотографическихъ снимкахъ слишкомъ неясны, чтобы можно было *положительно* утверждать существованіе надписей относящихся къ указанному времени. Этотъ вопросъ будетъ *окончательно* рѣшенъ только тогда, когда будутъ доставлены лучшіе снимки съ этихъ надписей, или самые оригиналы.

Надписи большею частью коротки: указывается дата по селевкидской эрѣ; за тѣмъ обыкновенно отмѣчается дата также по годамъ 12-лѣтняго животнаго цикла, въ болѣе древнихъ надписяхъ большей частью только *но-сирійски*, въ болѣе позднихъ *но-сирійски* и *но-тюркски*, въ рѣдкихъ случаяхъ только *но-тюркски*. За датой слѣдуютъ слова «это — могила такого-то» и пр. Имена собственные — большею частью тюркскія, частью простыя какъ н. пр. *Кутлук*, частью сложныя, какъ н. пр. *Кутлук-Тарим*, *Таши-Минку* и пр. Чисто сирійскихъ именъ встрѣчается не много: *Юханан* (Иоаннъ), *Шлиха*, *Пеиха* и *Зума*. Изъ другихъ именъ употреблявшихся у западныхъ христіанъ мы нашли только имена *Павель*, *Петросъ*, *Симеонъ* и — очень часто — *Джисварджис* т. е. *Георгій*. Изъ женскихъ именъ весьма часто встрѣчается *Марьям*, т. е. *Марія*; кромѣ того мы находимъ имена *Марва*¹⁾, *Юлія*, *Юлитта*, *Февронья* и вѣроятно также *Мавра*. Рядомъ съ христіанскимъ именемъ нерѣдко стоитъ и тюркское.

При именахъ дѣтей прибавляются слова «мальчикъ» или «дѣвочка», при именахъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ слова: «миловидный юноша» или «миловидная дѣвица». При именахъ взрослыхъ почти всегда стоитъ эпитетъ «вѣрующей», «вѣрующая»; при именахъ женщинъ часто прибавляется «дочь такого-то», или «жена такого-то». При именахъ-же мужчинъ рѣдко только

1) Это по происхожденію сирійское имя.

указывается имя отца; оно — какъ кажется — прибавляется только тогда, когда послѣдній былъ человѣкъ извѣстный или знаменитый.

Мужчины и даже мальчики очень часто носятъ титулъ *кашиша*, который собственно говоря означаетъ *пресвитера*, но затѣмъ также просто *священника*. Католическій миссіонеръ Вильгельмъ де Рубрукъ, посѣтившій эти мѣстности около середины XIII вѣка, сообщаетъ, что епископъ туда заѣзжаетъ весьма рѣдко, примѣрно одинъ разъ въ 50 лѣтъ. При такомъ посѣщеніи онъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола, даже грудныхъ младенцевъ, посвящаетъ въ священники. «Вслѣдствіе этого», прибавляетъ онъ, «тамъ почти всѣ пожилые мужчины — священники». *Царь-священникъ* или *пресвитеръ Иоаннъ*, про котораго въ средніе вѣка ходило столько баснословныхъ рассказовъ, котораго тогда вездѣ искали и нигдѣ не могли найти, по всей вѣроятности былъ никто иной какъ одинъ изъ царей большаго тюркскаго, христіанскаго, жившаго на востокъ отъ Кульджи, племени Керайтовъ, который, подобно почти всѣмъ своимъ соплеменникамъ, вѣроятно еще въ дѣтствѣ былъ посвященъ въ священники.

Кромѣ титула «кашиша» (священникъ) встрѣчаются еще духовные титулы: *Соура*, *періодевтъ*, *хорепископъ*¹⁾, *архидіаконъ*, *настоятель церкви* и *схоластикъ*. Послѣднее названіе собственно означаетъ изучающаго богословіе. Иногда послѣ имени стоятъ почетные эпитеты, какъ н. пр. «*благословенный старецъ*», «*славный*», «*могущественный*», «*знаменитый эмиръ*» или «*оказавшій большія услуги церкви*». О нѣкоторыхъ очевидно ученыхъ священникахъ въ болѣе длинныхъ надписяхъ говорится, что они были знаменитыми экзегетами и проповѣдниками, что ихъ голосъ былъ подобенъ гласу трубы, что они были прославлены мудростью, и свѣтомъ (своимъ) просвѣщали церкви. Нѣкоторые изъ скромности велѣли вырѣзать передъ своимъ именемъ слово «*махиха*», т. е. «низкій, незначительный». Столь употребительное у западныхъ сирійцевъ слово «*межила*» т. е. «слабый, смиренный» въ нашихъ надписяхъ не встрѣчается. О прибавленіи словъ «умеръ отъ чумы» я уже упоминалъ выше.

Элогіи встрѣчаются рѣдко и очевидно только тогда, когда рѣчь идетъ о лицахъ, которыя имѣли видное положеніе, были-ли они священниками или мирянами. Онѣ гласятъ приблизительно такъ же какъ у западныхъ христіанъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ, н. пр.: «да соединитъ Господь нашъ духъ его съ духомъ праведниковъ, предковъ, святыхъ, во вѣки»; «да достанется ему всякій блескъ»²⁾).

1) Эти три названія имѣютъ одно и тоже значеніе.

2) См. мой Сборникъ еврейскихъ надписей, стр. 424.

Въ *лингвистическомъ* отношеніи наши надписи представляютъ много своеобразныхъ явленій. Онѣ не написаны правильнымъ сирійскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе кое какіе матеріалы даютъ даже для сирійской лексикографіи. Такъ н. пр. только изъ нашихъ надписей усматривается настоящее значеніе весьма, правда, рѣдкаго слова *ателія*, которое неправильно толкуется сирійскими туземными лексикографами IX и X вѣковъ и по нимъ и въ новомъ, еще неоконченномъ *Thesaurus syriacus Пэн-Смита*.

Въ *палеографическомъ* отношеніи семирѣченскія надписи имѣютъ громадное значеніе. Независимо отъ того, что въ нихъ встрѣчаются такія формы буквъ, которыя не попадаются въ сирійскихъ рукописяхъ, даже несторіанскаго происхожденія, формы письменъ нашихъ надписей объясняютъ намъ, какимъ образомъ развилось изъ сирійскаго алфавита — и именно изъ алфавита *несторіанцевъ тѣхъ мѣстностей — уйгурское* письмо. Прямо изъ древне-сирійскаго алфавита *эстрангело* это письмо ни коимъ образомъ не могло произойти.

Д. Хвольсонъ.